

Диалогическое моделирование психологических взаимодействий

В. А. Мединцев

Широкое использование в психологической литературе понятия «диалог» вызывает необходимость концептуальной систематизации его различных содержательных интерпретаций. В качестве одного из путей решения такой задачи предложено построение модели психологических исследований, ориентированной на философскую парадигму диалога. Приведены и обоснованы принципы диалогической модели исследования психологических взаимодействий.

Ключевые слова: диалог, мышление, субъект диалога, теоретическая модель

Необходимость изучения теоретико-методологических вопросов использования понятия «диалог» в моделях психологических взаимодействий вызвана, с одной стороны, наличием определенных теоретических предпосылок, намеченных в работах рассматривавших это понятие философов, с другой – все более широким распространением в психологических исследованиях различных содержательных его интерпретаций: в исследованиях психологических воздействий (Г. А. Балл, М. С. Бургин, Г. А. Ковалев), совместной деятельности (Г. М. Кучинский), научного диалога (Л. Н. Славгородская). Речевое общение как важнейший компонент психологических взаимодействий исследовалось в работах по психологии общения и психологии личности, выполненных видными советскими психологами: Б. Г. Ананьевым, А. А. Бодалёвым, А. А. Леонтьевым, Б. Ф. Ломовым, В. Н. Мясищевым и другими.

Диалогические принципы успешно применяются и в практической психологии (А. Ф. Копьевым, Е. Т. Соколовой, Т. А. Флоренской, А. У. Харашом и др.). Особенностью диалогического консультирования, полагает Т. А. Флоренская, является отношение к человеку как к субъекту живого общения, а не как к объ-

50

екту исследования и воздействия. Так понимаемый диалогический подход основан на общечеловеческих духовно-нравственных ориентирах. [11]. Развивая этот принцип, Е. Т. Соколова подчеркивает, что главным методом и лечащим средством психотерапии становится особая форма взаимоотношений терапевта и пациента в процессе психотерапевтического контакта [10]: терапевт намеренно и осознанно встраивается в специфический внутренний диалог, содействуя его развитию и углублению. Одной из задач психолога-консультанта становится реконструкция движения внутреннего диалога, для чего разработаны соответствующие методы анализа текста [9]. Таким образом, работы, ориентированные на диалогический подход, открывают новые возможности совершенствования психотерапевтического инструментария.

Следует отметить, что некоторые психологи, использующие диалогические принципы в психотерапии и консультировании, осторожно относятся к методам, основанным на «объективистских» научных принципах (что можно считать в том числе и следствием перманентной дискуссии об особом парадигматическом статусе психологической науки). В этом вопросе, в частности, Т. А. Флоренская отстаивает следующую позицию: «Объективная психология может быть полезна и интересна, если она занимает свое место и не претендует на познание «глубин человеческой души», недоступных и неподвластных ей» [11; 132]. Содержательно близким является утверждение А. Ф. Копьёва: «представляется важным, чтобы теоретические основы изучения психотерапевтического общения не были жестко привязаны к тем или иным конкретным психологическим теориям, но, наоборот, были как бы «трансгредивными», внеположены им» [6]. Именно как внеположенную автор рассматривает разработанную М. М. Бахтиным концепцию диалога и на этой теоретической основе убедительно выстраивает свой метод диалогической интерпретации в психологическом консультировании. Представляется оправданной и ещё одна методологическая позиция: совершенствуя существующий и разрабатывая новый теоретический инструментарий в психологии, следует помнить и о его (неизбежном) несовершенстве. А профессионализм психотерапевта и консультанта, в частности, состоит и в умелом выборе подходящего для конкретного случая инструмента, и в умении обращаться с ним, и в понимании недостатков всех используемых методов.

Не вызывает сомнений важность и перспективность психологических исследований всех перечисленных направлений, в которых используется понятие «диалог». Не менее важной, полагаю, остается задача совершенствования теоретического инструментария диалогического подхода к исследованию психологических взаимодействий. В работах автора настоящей статьи ([7], [8]) были обоснованы и намечены теоретико-методологические принципы этого направления исследований. В кратком изложении они могут быть представлены так.

В контексте диалогической философии фундаментальные категории психологической науки, такие, в частности, как «мышление», «отношения» (в которые вступает человек) диалогичны, из чего следует, что всё многообразие форм психической активности (как константных, так и ситуативных) проявляет себя в многообразии диалогических форм. М. М. Бахтин называет их «формами диалогических отношений», В. С. Библер определяет эти формы как «схематизм диалога». В качестве методологического инструментария для диалогической интерпретации психологических взаимодействий предложено рассматривать лингвистические подходы к исследованию диалогов. Психологическое исследование в контексте диалогической парадигмы должно быть сосредоточено на выявлении характерных типов диалогов (и их сочетаний), которые используют субъекты в коммуникативных ситуациях. Такое исследование

должно, по всей видимости, быть направлено на то, чтобы составить описание типичных и индивиду-

51

альных черт психики индивида в категориально-понятийной системе этого подхода. Осуществление данной задачи представляется невозможным без тщательной проработки категориально-понятийного аппарата обеих ветвей диалогической интерпретационной модели – психологической и лингвистической. В качестве ближайшей задачи исследования мной выделена следующая: разработать модель, отражающую субъектную структуру диалогов, исследуемых в психологии.

Наиболее близкая по постановке задачи и логике построения теоретическая модель была предложена В. С. Библером в работе [4] (впервые опубликована в 1981 г., но ссылка дана на более позднюю и распространенную публикацию). В этой работе В. С. Библер ставил перед собой две задачи: 1) осмыслить в контексте философской логики диалога исследование внутренней речи, проведенное Л. С. Выготским, и «раскрыть на этой основе новые возможности психологии внутренней речи и само́ определения предмета психологии» [4; 363]; 2) в контексте диалогического понимания процессов мышления уточнить принципы философской логики диалога. Рассмотрим подробнее, но уже в контексте своей задачи, рассуждения В. С. Библера, касающиеся первого направления.

В. С. Библер формулирует два психологических условия, необходимые для того, чтобы в мышлении состоялся диалог: 1) чтобы «субъект мышления раскололся на два субъекта мышления, на два (мыслящих) «Я». Раскололся, и был напряженно, центростремительно одним...»; 2) «в той же внутренней речи пред-определяется основная формальная «затравка» спора с чужим, «ничего не понимающим человеком» [4; 368]. Допуская, возможно, некоторое противоречие по отношению к заявленному направлению исследования (дать новое определение предмета психологии), автор далее выстраивает теоретическую модель процесса мышления. Характер и составляющие этого процесса мне представляется возможным свести, сохраняя стиль и термины В. С. Библера, к следующим утверждениям.

1. Единицей психологической активности субъекта в своей неделимой предметности является рече-мысль.

2. Субъекты внутреннего диалога («Я» и «Он») развивают свои логики в схематизме спора с иной логикой.

3. Активность внутренней речи проявляет себя в переходе в лингвистику внешней речи, эта активность наталкивается на встречную активность внешней речи, в результате происходит диалог.

4. Внутренний диалог происходит как диалог между внутренней и внешней речью, как диалог двух радикально различных (социально и индивидуально) субъектов.

5. Деятельностью психологического субъекта, более развёрнутого, чем рече-мысль, является внешняя речь, взятая как речевое высказывание.

6. Речевая деятельность интер-субъективного характера (та, в которую вовлечены физически различимые индивиды) может быть понята (если необходимо ее понять психологически) как еще более развернутый субъект деятельности.

Следует отметить, что представленная В. С. Библером теоретическая модель процесса мышления выходит за рамки интрапсихологической активности субъекта. Ее можно охарактеризовать как внешнюю, поскольку в этой модели постулирована характеристика минимального элемента – единицы психической активности, – а схематизм выстроен по принципу расширения «объема» этой единицы: от минимального внутреннего диалога до описания наиндивидуальных (социокультурных) взаимодействий. Отдавая должное содержательной новизне подхода и остроумным рассуждениям В. С. Библера, в значительной мере повлиявшим и на научное мировоззрение автора этой статьи, полагаю, что в данной модели есть послышки, которые в контексте решаемой мною задачи требуют уточнения.

Представляется, что условия, необходимые для функционирования мышления,

52

намечены недостаточно четко. С одной стороны, условие, согласно которому для начала мышления необходимо, чтобы субъект «раскололся» на два мыслящих субъекта, неявно предполагает ситуации, в которых этого раскола нет (а значит, нет и мышления). Тогда необходимо уточнить, о чем идет речь: о пульсирующем мышлении, в котором чередуются фазы раскола и интеграции, или об онтогенетическом рубеже, на котором происходит этот (необратимый?) «раскол». С другой стороны, в соответствии с основополагающим утверждением в диалогической философии М. М. Бахтина (на идеи которого в значительной мере опирается в своих рассуждениях и сам В. С. Библер): «Жить – значит участвовать в диалоге» [2; 118]. Из чего следует, что в диалоге, в той или иной его форме, человек пребывает в каждом эпизоде жизни. Но тогда следует и мышление считать процессом жизненно непрерывным (жить – значит мыслить). Надо отметить, что в другом месте текста и сам В.С. Библер косвенно занимает такую позицию, когда пишет об «исходной парадоксальности человеческого бытия», вследствие которой с развитием ребенка его внешняя и внутренняя социальности и, соответственно, две формы общения даны «сразу же в сращении и во взаимоотрицании, в неразрешимом диалогическом конфликте» [4; 371]. С учетом вышесказанного положение, названное В. С. Библером первым психологическим условием мышления, остается принципиальным, но не в качестве условия

(которое может быть выполнено или не выполнено), а в качестве одного из исходных принципов диалогической интерпретации мышления.

Что касается второго условия, то в более поздней работе [3] В. С. Библер пишет о количестве субъектов внутреннего диалога следующее: «Конечно, здесь можно говорить о «диалоге» только в смысле схемы общения ... и в смысле определения наименьшего числа действующих лиц такого спора (два участника). В действительности здесь всегда существует полифония и контрапункт ...» [3; 71]. Тогда в модели анализа можно исходить из того, что число субъектов внутреннего диалога априори неизвестно, а выяснение этого вопроса является одной из задач диалогического исследования – это один вариант диалогического анализа мышления. Полагаю, продуктивен и другой его вариант – когда в рамках теоретической модели будут содержательно охарактеризованы различные субъекты внутреннего диалога и сформулированы критерии, позволяющие дифференцировать их субъектные свойства (подобный подход в рамках философского анализа мышления осуществил и сам В. С. Библер, рассматривая, например, «Семья теоретика» [3]). Отметим так же, что в этом (втором) психологическом условии автор неявно отождествляет содержание терминов «диалог» и «спор». Не находя (в т. ч. в работах В.С. Библера) убедительной аргументации такого отождествления, полагаю, что диалогическая модель должна позволять исследовать как можно более широкий круг типов диалогов (например, по типологиям, приведенным в [1], [14], [15]).

Теоретические построения В. С. Библера были охарактеризованы как внешняя диалогическая модель мышления. В контексте моих рассуждений о теоретических основаниях и принципах диалогического подхода в психологии в эту модель необходимо ввести некоторые изменения. Ниже представлены принципы предлагаемой мною модели и необходимые пояснения (в скобках даны ссылки на аналогичные положения библеровской модели).

I. (1). Учитывая сказанное по поводу психологических условий начал мышления и в контексте задачи – построение модели диалогического подхода в психологии, – за единицу диалогического анализа следует принять минимальную ячейку диалога, т. е. минимальный по объему внутренний диалог между установленным числом субъектов. Следовательно, описанию исходной единицы диалогического анализа должно предшествовать описание кри-

53

териев выделения упомянутого минимального объема и принципов различения субъектов внутреннего диалога.

II (2). В работах В. С. Библера отсутствуют формулировки принципов, по которым может быть установлено соотношение логики каждого из субъектов диалога и логики самого диалога (более поздний терминологический оборот «логика диалога (логик)», введенный в [3], полагаю, не проясняет ситуацию). Между тем, особые закономерности, присущие (речевым) диалогам,

отмечают как философы, так и лингвисты. ([2], [5], [12]), обращая внимание на то, что логика диалога отлична и от формальной логики, и от логики языка (грамматических закономерностей), и от логик каждого из партнеров по диалогу. В этой связи представляется возможным в качестве принципа диалогического анализа утверждать следующее: закономерности построения (развертывания) диалога его субъектами необходимо рассматривать как проявление их индивидуальных психологических особенностей. Дальнейший анализ этих закономерностей может быть направлен в том числе и на выявление неких безусловных (логических) форм движения диалога.

III (3,4). Положение о диалоге внутренней речи с речью внешней, который в контексте логики рассуждений В. С. Библера и есть мышление, полагаю, неприемлемо для психологической модели, поскольку, в частности, исключает саму возможность мышления у людей с патологией органов слуха и (звуковой) речи. Кроме того, речевой диалог, в котором несовпадение содержательных и формальных (темп речи, необычного интонирования и акцентуации, мимики, жестов, и др.) компонентов преобразует его смысл, обращая все сказанное в иронию, может служить примером, поясняющим принципиальную необходимость помимо звуковой речи различать как можно более широкий круг средств выражения, используемых в диалогическом взаимодействии. Возможно и сам В. С. Библер был близок к более широкому пониманию средств выражения в диалоге, когда писал: «Так ли – в эмпирии – мыслит человек, как я сейчас изобразил? Конечно нет! Он мыслит подсознательно, интуитивно, ... в мускульных, кинестезических движениях, в туманных образах...» [3; 253].

В модели, предложенной В. С. Библером, диалог ведут логики субъектов. Для М. М. Бахтина диалог – это прежде всего диалог сознаний [2]. Диалогическая модель, полагаю, должна позволять учитывать и неосознаваемую психическую активность, поэтому субъекты должны быть понимаемы как психологически полноценные (в указанном смысле). В связи с этим неприемлемым представляется анализ диалога между внутренней и внешней речью двух социально и индивидуально различимых субъектов (т. е. один из них обладает только внутренней речью, другой – только речью внешней). Принципиальное для В.С. Библера положение о двунаправленности (активность внутренней речи направлена навстречу активности внешней речи) в контексте развиваемого подхода уже содержательно предопределена самой парадигматикой диалога как взаимодействия, то есть ячейкой анализа должен стать диалог (минимального объема), а не реплика внутренней или внешней речи.

Чтобы исследовать психологическую активность субъектов диалога, необходимо располагать сведениями о применяемых ими средствах выражения. Вопросы, связанные с выявлением и классификацией средств выражения, принципиально важны, поскольку в контексте диалогического подхода они (средства выражения) являются единственным источником сведений

о психологической активности исследуемых субъектов (в типологии диалогов, приведенной в [14], учтены, в частности, такие средства выражения, как звук, жест, письменный знак). Таким образом, третий принцип получает следующую формулировку: необходимым условием классификации того или иного диалога являя-

54

ется лингво-психологическая интерпретация неречевых средств выражения, используемых субъектами.

IV (5, 6). Для более высоких масштабных уровней исследований В. С. Библером предусмотрено укрупнение единицы масштаба анализа, при котором следующим (после рече-мысли) субъектом деятельности (неделимым ядром активности, т. е. следующей единицей анализа) становится мыслящий индивид. Межиндивидуальная речевая активность, в свою очередь, представлена как деятельность субъекта активности, вмещающего в себе несколько индивидов (полагаю, здесь подразумевается межгрупповое речевое взаимодействие). Другими словами, процесс мышления теоретизирующего характера (в котором содержательный спор по поводу научных теорий ведут логики субъектов внутреннего диалога) в дальнейшем может быть развернут в межиндивидуальном диалоге, а затем – в диалоге межгрупповом (например, научных школ).

Теперь эти уровни будут представлены несколько иначе. В качестве единицы анализа межиндивидуального взаимодействия рассматривается минимальный диалог между определенным (путем анализа субъектного состава) числом индивидов. Характер его развертывания во времени (последовательность диалогов тех или иных типов) составит материал для выявления индивидуальных психологических особенностей партнеров по диалогу (объектов исследования). Все проявления активности участников должны быть интерпретированы как те или иные формы диалогических средств выражения. Аналогично, взаимодействия между группами индивидов могут быть поняты и исследованы посредством анализа диалогов между ними. Сведения о средствах выражения в диалогах такого рода, а также о типичных и нетипичных формах их развертывания составят материал для выявления характерных и уникальных свойств социо-культурных объектов исследования (диалогических субъектов).

Если представить схематизм внешней модели в ортогональных координатах, то в точке начала координат будет расположена наименьшая единица анализа – минимальный диалог субъектов внутреннего диалога. Дискретное движение по вертикали (от одной единицы к другой) будет соответствовать увеличению масштаба единицы анализа, а показатели, характеризующие фазы развития исследуемого диалога (т. е. развертывания во времени каждой из диалогических единиц), будут расположены на горизонтальной оси.

В психологической науке центральным объектом исследований традиционно является индивид и его психологические свойства. Для того чтобы центральным звеном диалогической модели также стал индивид, ее исходный элемент необходимо сместить так, чтобы минимальной единицей исследования стал минимальный межиндивидуальный диалог. Правда, в новой диспозиции субъекты внутреннего диалога оказываются вне модели, и для диалогического анализа внутренних ведущих диалог субъектов к ней необходимо достроить «внутреннее крыло». Для этого предварительно необходимо выявить (или постулировать) диалогические единицы глубинных горизонтов психики. На некотором уровне единицами анализа, возможно, станут те объекты, которые исследуют в нейропсихологии. Уместным будет упомянуть о том, что приложение диалогических принципов для исследования нейропсихических процессов предполагали и прежде. В частности, М. Холквист М. и К. Кларк [13] утверждают, что человека можно рассматривать в виде социального организма (т. е. скопления индивидуальных клеток), в котором все клетки взаимодействуют между собой с помощью постоянного набора языков, многоголосия электрохимических импульсов, гормональных диалектов и говоров энзимов, а совокупная система, которую они образуют в целом, т. е. индивид, взаимодействует с другими индивидами на тех же принципах диалога.

55

В заключение следует отметить, что подход, основанный на парадигматическом понимании диалога, сохраняя определенное сходство с принципами диалогической интерпретации мышления, предложенными В. С. Библером, содержит существенные отличия: 1) направлен на интерпретацию всех форм психологической активности исследуемых субъектов; 2) предполагает использование для этой цели материалов лингвистических исследований диалогов. Полагаю, такая модель может быть рассмотрена в качестве одной из возможных реализаций диалогического подхода к исследованию психологических взаимодействий, точнее – одного из промежуточных этапов теоретического исследования этого вопроса. Для того чтобы изложенные принципы диалогического моделирования превратить в надежный и эффективный инструмент практической психологии, необходима значительно более тонкая их прорисовка, что, в свою очередь, требует постановки и междисциплинарного выяснения ряда теоретических вопросов психологией и лингвистикой. Ближайшей задачей представляется исследование неявных психологических критериев, скрытых в лингвистических моделях речевого взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балаян А. Р. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1971. – Т. XXX, вып. 4. – С. 325-331.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества – М: Искусство – 1979 – 424с.

3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры – М: Издательство политической литературы, 1991. – 413 с.
4. Библер В. С. Понимание Л. С. Выготским внутренней речи и логика диалога (Еще раз о предмете психологии). / Выготский Л.С. Мышление и речь – М: Лабиринт, 1996. – С. 363–376.
5. Гадамер Г. Человек и язык. / От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Науч. ред. А. А. Михайлов; составл. Т. В. Щитцова. – Мн.: Менск, – 1997. – С. 133 – 141.
6. Копьёв А. Ф. Психологическое консультирование: опыт диалогической интерпретации // Вопросы психологии – 1990, – №3 – С. 17-25.
7. Мединцев В. А. Диалогический подход в психологии музыки // Психологический журнал. – 2000. – Том 21, № 5. – С. 117-120.
8. Мединцев В. О. Деякі теоретичні джерела діалогічного підходу у психології // Практична психологія та соціальна робота. – 2002. – №9-10. – С. 107-109.
9. Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии – 1997, – №2 – С. 61-75
10. Соколова Е. Т. К проблеме психотерапии пограничных личностных расстройств // Вопросы психологии – 1995, – №2 – С. 92-104
11. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, – 2001, – 208с.
12. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике. / Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, - 1986. – С. 363 – 373.
13. Холквист М., Кларк К. Архитектоника ответственности. // Философские науки – М: Гуманитарий, – 1995, – № 1. – С. 9 – 35.
14. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 303 с.
15. Хундснуршер Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога // Вопросы языкознания. – 1998. – №2. – С. 38-50.

Поступила в редакцию 22.12.2003

Автор: Мединцев Владислав Александрович.

Место работы, должность: н.с. лаборатории методологии и теории психологии Института психологии им. Г. С. Костюка АПН Украины (рук. проф., член-корр. АПН Украины Балл Г. А.).

Адрес: Мединцев В. А., лаборатория методологии и теории психологии, Институт психологии им. Г. С. Костюка АПН Украины, г. Киев, ул. Панкivська, 2, 01033, Украина.

<mailto:medintsev@ukr.net>